

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

Россия в глобальной повестке

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: КОНКУРЕНЦИЯ
ИНТЕГРАЦИЙ ИЛИ ПУТЬ К ГЛОБАЛЬНОМУ МИРУ**

Круглый стол

20 июня 2013

11:45—13:00, Павильон 5, Конференц-зал 5.2

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Виктор Христенко, Председатель Коллегии, Евразийская экономическая комиссия

Выступающие:

Петер Балаш, Заместитель генерального директора по торговле, Европейская Комиссия

Эрик Берглоф, Главный экономист, советник президента, Европейский банк реконструкции и развития

Татьяна Валовая, Член Коллегии, Министр по основным направлениям интеграции и макроэкономики, Евразийская экономическая комиссия

Анхель Гурриа, Генеральный секретарь, ОЭСР

Кайрат Келимбетов, Заместитель премьер-министра Республики Казахстан

Паскаль Лами, Генеральный директор, ВТО

Филипп Ле Уэру, Вице-президент по Европе и Центральной Азии, The World Bank

Алексей Лихачев, Заместитель Министра экономического развития Российской Федерации

Игорь Максимцев, Ректор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Валерий Мунтян, Правительственный уполномоченный Украины по вопросам сотрудничества с Российской Федерацией, государствами — участниками СНГ, ЕврАзЭС

Игорь Петришенко, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Российской Федерации, Специальный представитель Республики Беларусь по вопросам интеграционного сотрудничества в рамках Союзного государства, Таможенного союза и Единого экономического пространства, Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийского экономического сообщества

Александр Рар, Старший консультант, Wintershall; советник президента,

Германо-российская внешнеторговая палата

Владимир Саламатов, Генеральный директор, ОАО «Центр международной торговли»; Председатель, Комитет ТПП РФ по вопросам экономической интеграции стран ШОС и СНГ

Андрей Спартак, Директор, ОАО «Всероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт»; председатель, Комитет ТПП РФ по содействию внешнеэкономической деятельности

Игорь Шувалов, Первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации

В. Христенко:

Приветствую участников нашего круглого стола «Региональные экономические объединения: конкуренция интеграций или путь к глобальному миру».

В самом названии круглого стола есть два ключевых понятия, два ключевых фокуса: глобализация и регионализация. Конечно, это не случайно, потому что именно эти два процесса, глобализация и регионализация, в последние десятилетия во многом определяли облик меняющегося мира. Когда-то эти процессы шли параллельно, особо не затрагивая друг друга. Когда-то они входили в жесткое противостояние. Так или иначе, именно они сформировали тот мир, который в 2008 году подошел к глобальному финансовому кризису, который, в свою очередь, стал существенным катализатором процессов регионализации и интеграции во всем мире. В этом смысле, то, что мы имеем на сегодняшний день в рамках всех мировых площадок — бурное развитие интеграционных процессов — безусловно является не элементом национального или регионального протекционизма, а попыткой найти ответы на те вызовы, которые возникли в рамках глобализации.

С моей точки зрения, когда сейчас говорят о второй волне финансового кризиса, то, наверное, корректнее было бы говорить о кризисе глобализации. В определенной степени это означает, что тот объект и те процессы, которые когда-то запускались и управлялись, сегодня изменились. Изменились основные игроки на глобальной площадке, а системы управления остались прежними, и они уже не в состоянии обеспечить устойчивость в развитии. И в этом плане, с моей точки зрения, будущее мира будет определяться в диалоге между интеграционными структурами и будет зависеть от эффективности самих этих интеграционных структур и от эффективности диалога между ними. В такой конструкции: национальные правительства, интеграционные структуры, диалог между ними — и будет формироваться облик изменяющегося мира на ближайшие 50—70 лет. Это стартовый тезис.

Теперь я бы хотел перейти к нашим докладчикам, спикерам на панели. И в первую очередь предоставить слово Хосе Анхелю Гурриа Тревиньо,

генеральному секретарю Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Это организация, которая в своем развитии пережила региональный этап. Она создавалась как региональная организация, а через некоторое время стала глобальным институтом, который объединил развитые страны. Собственно, это те страны, которые взяли на себя ответственность за процессы глобализации, те страны, которые объявили о миссии, связанной с достижением открытости, прозрачности мира, и на этой базе — сокращения разрыва между беднейшими и богатейшими странами, снижения конфликтности, обеспечения устойчивости для развития.

Я бы как раз хотел спросить господина Гурриа о том, насколько эта миссия, насколько эта задача на сегодняшний день выполнена? Каким видится ОЭСР выход из сегодняшнего кризиса, в какие сроки? И что, собственно говоря, надо делать, для того чтобы можно было двигаться вперед, к устойчиво развивающемуся миру?

Спасибо.

А. Гурриа:

Спасибо. Сегодняшнюю экономическую ситуацию в мире можно охарактеризовать как весьма посредственную. При этом она очень неоднородна. Из всех регионов лучшие результаты показывают США. Экономика этой страны сохраняет динамичный рост, несмотря на автоматическое урезание расходов бюджета по причинам правового характера — вследствие неспособности достичь политического соглашения. Заявленные показатели экономического роста в США составляют 1—1,5%. Продолжающийся рост означает наличие платформы, обеспечивающей движение вперед. Непрерывный рост числа рабочих мест в США наблюдается на протяжении последних 38 месяцев. Фактические темпы несколько отстают от ожидаемых. Тем не менее, в стране восстановлено около 3 миллионов рабочих мест, закрытых ранее. В Японии успех обусловлен применением уникального подхода, сочетающего монетарное и фискальное

стимулирование. Ему предшествовал традиционный подход, заключавшийся в ведении мягкой монетарной и жесткой фискальной политики. Сейчас Япония осуществляет мягкую монетарную и мягкую денежную политику, планируя продолжить их осуществление в ближайшей перспективе. Также в этой стране применяются структурные меры, так называемая «третья стрела» пакета антикризисных мер. Можно говорить о том, что ситуация в этой стране выглядит положительной. В Европе ситуация не так хороша. Многие экономические показатели в этом регионе практически неизменны либо изменяются в сторону ухудшения. Положительные изменения в оставшиеся месяцы 2013 года не представляются вероятными, хотя и могут произойти ближе к его концу с продолжением в 2014 году. Несколько слов стоит сказать и о больших развивающихся экономиках. Темпы роста ВВП в Китае немного не достигают 8%, но могут их превысить уже к следующему году. В настоящий момент КНР переживает кредитный кризис. В Индии темпы роста замедлились.

В итоге мы наблюдаем разные темпы развития и восстановления экономик, а также отсутствие единых мер на пути к достижению целей. Все это приводит нас к сегодняшней дискуссии о региональных экономических объединениях и процессах региональной интеграции. Мы задаем себе вопрос: могут ли они как-то помочь. Ответ — могут. В этой сфере наблюдается большая активность, и это хорошо, поскольку торговля всегда была мощным стимулом. Торговые переговоры в Дохе не сильно продвинулись вперед, однако мы не закрыли Дохийский раунд. В конце года мы приступим к переговорам об упрощении процедур торговли. В целом уровень активности действительно высок. Два дня назад состоялся саммит Большой восьмерки в Лох-Эрне, на котором лидеры стран-участниц объявили о начале переговоров между ЕС и США. Это интересное событие сулит большие перспективы: серьезное увеличение темпов роста, появление новых рабочих мест и создание атмосферы доверия, которой нам так не хватает. Транс-Тихоокеанское партнерство также вызывает большой интерес и открывает новые

возможности. Это партнерство может привлечь остальной мир к участию в процессе. Евразийское экономическое сообщество — еще одно интересное и перспективное объединение, деятельность которого, несомненно, может принести пользу.

Такие объединения дадут то, чего нам не хватает: рост, рабочие места. Как вам известно, уровень безработицы в зоне Евросоюза на сегодняшний день составляет 12%. Количество безработных среди молодого населения — 26%. В некоторых городах и странах этот показатель доходит до 50%. Необходимо укреплять доверие к организациям, созданным за последние 100 лет, к правительствам, министрам и премьер-министрам, президентам, банковской системе и политическим партиям. Сейчас широко распространен циничный подход. Люди начинают сомневаться, стоит ли продолжать верить существующим организациям, которые не оправдывают ожиданий. Поэтому образование региональных экономических сообществ — это очень интересный процесс, предлагающий увлекательную альтернативу традиционной модели восстановления и развития экономики. Этот процесс может дать участникам большой импульс к развитию и стать для них рычагом преодоления трудностей. Еще одной крайне важной чертой процесса является то, что он охватывает огромные пространства. Один только трансатлантический союз — это 50% мирового ВВП, 30% мировой торговли и 20% мировых инвестиций. Обычные цифры при заключении двусторонних соглашений — 0,5—0,05%. Мы видим, что разница велика, разница огромна, поэтому текущая работа может оказаться очень важной. По нашим подсчетам, основная выгода, которую получают стороны — США и страны Европы — в результате образования союза, составит около 250 миллиардов долларов. Выиграет и остальной мир, благодаря глобальным цепочкам создания стоимости и сегодняшним механизмам импорта и экспорта. Результаты окажутся очень значительными и будут выражены во всеобщем резком увеличении ВВП.

Еще одним значимым объединением является Евразийский таможенный союз — Eurasian Customs Unions или ECU. Аббревиатура, к слову, звучит немного странно — ведь когда-то она означала валютную единицу, использовавшуюся в европейской системе. Впрочем, это, возможно, говорит о направлении вектора интеграции, и направление это выбрано удачно. Евразийский таможенный союз — очень важное объединение, яркий пример отхода от методов, применяемых на протяжении последних 20 лет. Инициатором в регионе является Россия. Это амбициозная инициатива, очевидно, намного более амбициозная, чем все предыдущие. Прошлые успехи были не слишком велики. Мы говорим о по-настоящему живой, глобальной многосторонней системе, но здесь стоит напомнить о том, что при разрастании региональных соглашений на карту нередко ставится успех целого. Чем больше у нас будет двусторонних и региональных соглашений, тем сложнее будет приходиться к многосторонним соглашениям. Я соглашусь с тем фактом, что в идеале нам следует стремиться к заключению многосторонних соглашений, но эта возможность от нас ускользнула. Вопрос в том, остается ли нам пожать плечами, сказать «будь что будет» и ничего не делать? Ответ — нет. Нам нужно использовать каждую возможность. Но как мы уже говорили только что на другой сессии, необходимо убедиться, что региональные экономические объединения, региональные экономические интеграции имеют согласованную архитектуру, которая позволит им со временем перерасти в многосторонние образования. Такой подход, при котором все находятся в равных условиях, может обеспечить появление новых участников и не предполагает наличие исключений с правовой точки зрения. В завершение следует сказать о том, что эти соглашения наверняка будут в какой-то степени пересекаться. Есть ли способ этого избежать? Думаю, что нет. Мне кажется, нам просто нужно идти вперед. Означает ли пересечение соглашений появление непреодолимых барьеров? Я так не думаю. Региональные экономические объединения — это естественный процесс. Они возникают, потому что им суждено возникнуть, им

возникнуть проще и они имеют больше общего, чем любая дискуссия в мировом масштабе.

Однако закончить я хотел бы словами о многосторонних отношениях. До конца года нам предстоят международные переговоры на тему упрощения процедур торговли. Снижение затрат в области мировой торговли — это выгода в размере 40 миллиардов долларов за каждый сниженный процент. Около двух третей этой выгоды получают развивающиеся страны. Потенциально мы можем снизить затраты на торговлю в мире на 10—14%, а в некоторых странах даже на 16%. Нетрудно рассчитать выгоду. Она огромна и видна даже при самых скромных ожиданиях. Поэтому давайте поощрять развитие региональных экономических объединений. Давайте обеими руками поддерживать их создание. Но при этом давайте не упускать из виду более крупную цель, которой является многосторонняя система торговых отношений. Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, господин Гурриа.

Господин Гурриа говорил о разных моделях, о разных форматах, которые возникают сегодня. Трансатлантическое партнерство, 50% мирового ВВП, Транс-Тихоокеанское партнерство и так далее. Это лишний раз подчеркивает, в каком бурном поиске правильных решений все сегодня находятся и как непросто это совместить. Вот и в этом зале тоже нет электромагнитной совместимости. Микрофоны перестали работать, поэтому мы пользуемся портативными. То есть всё непросто.

И сейчас я хотел бы передать слово Татьяне Валовой, человеку очень известному в интеграционных процессах на самых разных направлениях, с тем чтобы попытаться осветить то главное, что происходит в рамках Евразийского проекта сегодня — и внутри, и с точки зрения обстановки вокруг него, в том числе и с учетом мнения, высказанного господином Гурриа.

Т. Валовая:

Спасибо.

Я бы хотела продолжить тему, которую уже начал освещать господин Гурриа: насколько совместимы региональные проекты с многосторонним глобальным проектом.

И я бы хотела сказать, что, на мой взгляд, когда мы говорим о первом глобальном кризисе, который мы переживаем в начале 21 века, и даже говорим о кризисе глобализации, было бы точнее говорить о кризисе глобальной экономики в отсутствие или при недостатке реального глобального управления. То есть то, что у нас есть сейчас — это глобальная экономика на микроуровне. Предприятия, банки, финансовые системы действительно глобальны, и то, что происходит в данный момент в Токио, уже через 30 секунд сказывается на Лондоне. Но вот глобальной системы управления этими процессами у нас, к сожалению, не сложилось.

Более того, во второй половине 20 века параллельно шли два процесса. На микроуровне, действительно, полная интернационализация экономических процессов. А на институциональном уровне — наоборот, фрагментация мировой географической карты. Потому что если мы посмотрим на карту, мы увидим, что в Лигу Наций входило около шестидесяти государств, Организацию Объединенных Наций создавало около пятидесяти стран, сейчас их около двухсот. Действительно, во второй половине 20 века число независимых суверенных игроков на мировой экономической арене резко увеличилось. И конечно, выстраивать отношения в рамках старых глобальных структур стало уже практически невозможно. Мир действительно стал фрагментированным.

И поэтому интеграция, на мой взгляд, — это как раз не фрагментация мирового пространства, а наоборот, путь к объединению, путь к созданию крупных игроков, который позволит преодолеть фрагментарную карту нынешнего мира за счет того, что появляются крупные экономические объединения, которые, как уже говорилось, выстраивают экономические взаимоотношения, даже пересекаясь между собой. В этой связи, конечно,

совершенно правильно было сказано господином Гурриа о том, что всё это возможно в том случае, если экономические объединения будут сопоставимы и будут жить, в общем-то, по достаточно внятным и в какой-то мере общим принципам.

Неслучайно, начиная работу по созданию Евразийского экономического союза, Таможенного союза, Единого экономического пространства, мы самым внимательным образом смотрели на опыт Европейского союза, на ту его историю, которая продемонстрировала возможность создания наднационального регионального экономического объединения, первого в мире. Вторым таким объединением является наш Таможенный союз, также принявший решение о создании наднациональных структур.

Именно поэтому, говоря о развитии интеграции в рамках Евразийского экономического союза, мы, с одной стороны, смотрим на его позиционирование в глобальном контексте, а с другой стороны, оцениваем, как нам развиваться дальше. В развитии всегда есть дилемма: можно развиваться интенсивным путем, углубляя интеграцию; можно развиваться экстенсивным путем, расширяя свое географическое пространство. И на какой-то стадии становится понятно, что путь интенсивного развития является в значительной степени более эффективным, нежели путь просто экстенсивного развития. Хотя, естественно, любое интеграционное объединение, если оно успешно развивается, начинает «походить на пылесос», поскольку своим активным развитием начинает затягивать соседей на эту интеграционную орбиту. Это нормальный процесс, но при условии, что само это интеграционное объединение продолжает углубляться.

Поэтому мы в данный момент ставим для себя задачу именно развития интеграции. К 2015 году у нас уже есть внятная повестка дня. Первое и основное: мы должны создать Евразийский экономический союз, в рамках которого будет в полной мере сформировано Единое экономическое пространство, обеспечены все четыре свободы. И, как уже было решено на

последнем саммите в Астане, к 2015 году Единое экономическое пространство должно функционировать без каких-либо изъятий и ограничений.

Это очень большая и сложная задача. Достаточно сказать, что эту задачу Европейский союз решал на протяжении 18 лет. То есть их «Таможенный союз» появился в 1968 году, а их аналог «Единого экономического пространства» стал формироваться только в середине 80-х годов. Мы эту задачу попытаемся решать быстрее, потому что у нас уже сейчас степень снятия этих барьеров гораздо больше. Статистика это успешно подтверждает. Если мы возьмем данные по 2012 году, то мы сможем четко сказать, что у нас есть конкретный интеграционный эффект.

В предыдущие два года темпы нашей взаимной торговли увеличивались достаточно быстро, но были меньше, чем темпы роста нашей внешней торговли. Зато в 2012 году на фоне того, что наша внешняя торговля увеличилась всего где-то на 3,5%, наша взаимная торговля увеличилась на 9%. При этом, что очень интересно, у нас начинает существенно расти доля торговли в обрабатывающей промышленности. Доля торговли машинами и оборудованием обрабатывающей промышленности за период функционирования Таможенного союза увеличилась где-то с 18% до 23%. Это достаточно существенный рост за три года, и мы считаем, что это как раз свидетельствует о том, что интеграция движется в правильном направлении.

Сейчас перед нами стоит задача подготовить некую «Белую книгу», понять, какие у нас есть изъятия из режима Единого экономического пространства, чтобы, посмотрев на них, нарисовать путь снятия этих изъятий и постараться уложиться к 2015 году. Функционирование Евразийского экономического союза с 1 января 2015 года как раз и должно означать полное функционирование Единого экономического пространства.

И здесь возникает вопрос: где глобально мы позиционируем этот Евразийский экономический союз? На наш взгляд, это самый естественный партнер и Европейского союза, и Транс-Тихоокеанского партнерства, и трансатлантических партнерских объединений. Это как раз та сфера

пересекающихся интеграционных региональных объединений, которая и позволит выработать глобальную систему управления. Потому что если все эти организации будут строиться на понятных общих принципах, то нескольким крупным игрокам будет гораздо проще договориться, чем двумстам странам, у которых совершенно разная национальная повестка дня. На мой взгляд, развитие евразийской интеграции — это не фрагментация, это не отгораживание от каких-то глобальных процессов. Наоборот, это должен быть успешный проект встраивания евразийского пространства в новую формирующуюся глобальную экономику.

Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, Татьяна.

Я бы вспомнил о том, что некоторое время назад Европейский банк реконструкции и развития опубликовал свой аналитический доклад по интеграционным направлениям на постсоветском пространстве. И проект, о котором сейчас рассказала госпожа Валовая, был самым успешным интеграционным проектом на постсоветском пространстве.

В этой связи я хотел бы обратиться с вопросом к Эрику Берглофу. С Вашей точки зрения, как эксперта, который глубоко знает тематику и следит за ней, с одной стороны, каковы наиболее значимые риски, а с другой — какие возможности существуют сегодня у евразийского проекта?

Э. Берглоф:

Доброе утро. Я в большой степени согласен с тем, что было сказано Анхелем Гурриа. Мне кажется, его слова нашли как неявное, так и явное подтверждение в выступлении госпожи Валовой. Регионализм закрепляет свои позиции на мировом уровне, и нам нужно учиться с этим жить. Нам следует рассматривать это явление как плацдарм для более амбициозного проекта мирового масштаба. Думаю, то же касается Евразийского

экономического пространства и процесса интеграции в этой части света. Поначалу мы пренебрегали важностью этого объединения ради продвижения переговоров в рамках ВТО с российской стороной. Я считаю это большой ошибкой. Существуют реальные экономические и политические последствия. На эту инициативу потрачены очень важные ресурсы: проведена работа по улучшению институтов, к участию в проекте привлечен ценный человеческий капитал. Поэтому нам следует относиться к проекту серьезно, и мы уже попытались это сделать, как отметил господин Христенко. Мы провели анализ, и, несмотря на то, что делать выводы еще рано, мне кажется, важно предугадать, какие последствия нас ожидают. Это может определить наше дальнейшее видение процесса. Рассматривая торговое соглашение такого рода, следует обратить внимание на преимущества, которые оно дает: налаживание торговых связей, улучшенную мобильность факторов производства, создание глобального капитала труда и влияние на институты стран-участниц. С другой стороны, соглашение может привести к нарушению торговых связей и снизить эффективность торговли.

Еще одна проблема, которая может возникнуть — проблема неравенства. Один из аргументов, озвученных в начале, заключался в том, что Россия — одна из участниц пространства — является очень большой страной, и, следовательно, страны с экономикой меньшего размера, возможно, не получают выгоду того же масштаба. Кроме того, большая зависимость от природных ресурсов создает не самые оптимальные исходные условия для такой интеграции. Рассмотрев все эти факторы, можно понять, что установление торговых отношений дает определенные преимущества. При этом очевидна переориентация торговли. Налаживание торговых связей идет на пользу всем, но участники процесса получают выгоду в разной степени. Ясно, что до настоящего времени страной, получающей наибольшую выгоду, остается Россия. Мне кажется, в дальнейшем мы должны это учесть и найти способы перераспределения ресурсов, как это было сделано в контексте других соглашений, с целью поддержать участников, получивших меньшую

выгоду на начальном этапе. Не менее важно помнить о реальных преимуществах, которые получит мировое сообщество при уменьшении нетарифных барьеров и упрощении процедур торговли. Мы должны больше работать в этом направлении.

Рассматривая инвестиции, можно сказать, что они незначительны. В основном инвестиции происходили в Белоруссии и выполнялись российскими компаниями. Что касается остальных, возможности для инвестиций в разных странах очень велики. Наконец, следует поговорить об институтах. В рассматриваемых странах ситуация с институтами, созданными для развития экономической активности и обеспечения хорошего делового климата, обстоит практически одинаково. Слабые их места в разных странах могут быть одними и теми же. Реальный потенциал заключается в совершенствовании этих институтов на федеральном уровне Евразийского экономического пространства, как это происходило в Европейском Союзе.

В завершение я хотел бы подчеркнуть, что мы должны очень серьезно относиться к этому эксперименту. Нам нужно уделять больше внимания нетарифным барьерам, мобильности факторов производства, мобильности инвестиций и мобильности трудовых ресурсов. Нам следует много работать и извлекать уроки из чужого опыта. Необходимо выработать наилучшие практики для создания институтов в экономическом пространстве и попытаться использовать эти практики для улучшения институтов в отдельных странах. Позвольте закончить мое выступление словами предостережения. Мы видим, что произошло в Европейском союзе. Если слишком ускорять процессы и не задумываться о дифференциации эффекта в разных странах, участвующих в этом соглашении, результат может получиться обратным. Поэтому я бы хотел призвать вас идти вперед осторожно, уделять внимание тому, что мы можем изменить, создавать институты на национальном уровне и не забывать о дифференциации эффекта в разных странах. Спасибо большое.

В. Христенко:

Большое спасибо, Эрик.

Я думаю, что риски и возможности, которые сейчас были описаны, в какой-то мере закладывались в основу евразийского проекта еще 20 лет назад. Примерно 20 лет назад эта идея была высказана Президентом Казахстана Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, и ее реализация шла достаточно медленно буквально до последнего времени. Последние несколько лет — это период существенной активизации и запуска реально новых форматов и достижений: Таможенный союз, снятие барьеров, снятие границ, начало формирования Единого экономического пространства. И сроки для того, чтобы достичь здесь системных результатов, сделать новую законодательную базу, новую правовую среду на базе лучших мировых и национальных практик, — они, конечно, у нас очень сжатые. И президентами поставлена задача *в основном* завершить правовую работу к 2015 году. Конечно, ждать эффекта от реализации этих мер сразу, здесь и теперь, не приходится. Это большой, долгий системный проект. И тем не менее, такого эффекта от нас ждут. Сегодня говорилось о взаимной торговле, но взаимная торговля — это маленькая часть экономики, особенно если говорить о торговле товарами, помня о том, что такое рынок услуг и какую он долю составляет. Конечно, еще много чего предстоит сделать.

Это происходит не в самой благоприятной глобальной обстановке. Безусловно, она накладывает отпечаток на развитие и Таможенного союза, и Единого экономического пространства, и на экономики трех стран, входящих в них, что тоже создает лишние риски и лишнее давление. Хотя, может быть, это в еще большей степени подталкивает к модернизации, к структурным изменениям. Здесь такое сложное сочетание.

Создается напряжение и в социальном плане. Мне кажется крайне важным попытаться удерживать взаимоотношения глобального и регионального, помня все-таки и о существенном значении национального, как сказал сейчас господин Берглоф.

Я хотел бы по отношению к этой тематике предоставить возможность высказаться Кайрату Келимбетову. Спасибо.

К. Келимбетов:

Спасибо большое.

Я также хотел бы подключиться к дискуссии «глобализация versus регионализация». Татьяна Дмитриевна Валовая очень правильно подметила, что любая регионализация — это, наверное, попытка определенной группы стран или кластера стран встроиться в процессы глобализации.

До 2007 года глобализация несла только позитивные тенденции. Во всем мире был экономический рост, кредитный бум, который закончился событиями 2008 и 2009 годов. Постсоветские страны впервые все вместе столкнулись с угрозой глобального финансового кризиса. Несомненно, региональная интеграция на евразийском пространстве — это системный ответ, своего рода попытка совместно отвечать всем тем вызовам времени, которые имеются на сегодняшний день.

Глобализация сама по себе несла позитивные тенденции. Мы видели, как за все эти годы выросла мировая торговля, как четко распределились географические специализации многих стран. Безусловно, специализация наших стран преимущественно на экспорте сырьевых и минеральных ресурсов тоже имеет место, но мы также хотели бы ее диверсифицировать.

Подход, при котором на евразийском пространстве не отрицают глобализацию и активно в ней участвуют (это и процесс вступления России в ВТО, и процесс завершения переговоров о вступлении Казахстана в ВТО, это диалог с ОЭСР, который Российская Федерация начала раньше Казахстана и также продолжает) — это понимание и стремление быть на уровне лучших мировых стандартов, как в корпоративной сфере, так и в сфере государственного регулирования. Работа с многосторонними институтами, такими как Всемирный банк и ОЭСР, является неотъемлемой частью работы в рамках Единого экономического пространства и будущего Евразийского

экономического союза. Когда многие спрашивают, что же такое Евразийский экономический союз, я бы еще раз хотел повторить, что это прежде всего следование лучшим мировым практикам, а также сбор своих лучших практик и их распространение в рамках наших трех стран.

Вместе с тем, сказать, что природа регионализации — это прежде всего желание сохранить некую национальную экономическую идентичность. Потому что если доводить глобализацию до абсурда, то понятно, что в мире есть несколько совсем хорошо подготовленных мест с инфраструктурой, рабочей силой, и всему остальному миру можно какими-то вещами не заниматься, с чем, наверное, многие страны не согласны. В этой связи мы сейчас активно изучаем опыт Европейского союза. Я думаю, что этот пятидесятилетний период интеграции для изучения неисчерпаем. Но еще более интересно, как сейчас, буквально у нас на глазах происходит перестройка всего этого организма, и с какой скрупулезностью европейцы диагностируют свои позитивные и негативные тренды, и какие решения они предлагают. Мы видим, что есть какие-то страны, которые наиболее успешны, но есть и страны не такие успешные. Что делать с ними?

В этой связи, конечно, вопрос экстенсивного расширения Евразийского экономического пространства сегодня стоит на повестке дня. Недавно мы встречались в Астане на уровне глав государств, и была принята заявка быть наблюдателям от Кыргызстана и от Украины. Это нас, с одной стороны, радует, потому что Единое экономическое пространство становится неким центром притяжения интересов и инвесторов, и различных правительств. Но, с другой стороны, мы понимаем, что должно быть очень четкое соблюдение всех тех принципов, на которых создавалась наша организация. Татьяна Дмитриевна правильно говорит, что сегодня мы больше занимаемся интенсивными процессами, когда само законодательство Единого экономического пространства будет подразумевать под собой законодательство без исключений — как правило, а не с исключениями, как

правило. Мы активно над этим работаем. Думаю, к маю 2014 года первые результаты в этой сфере у нас уже будут.

Но я все же хотел бы вернуться к вопросу, который поднял господин Гурриа: какова природа и архитектура того объединения, которое мы создаем? К чему нам надо стремиться? С одной стороны, это вопросы регулирования и вопросы создания каких-то наднациональных регуляторов, которые бы позволяли многие процессы модерировать более успешно и гибко. Но, с другой стороны, это, безусловно, и приобретение новых компетенций. Если мы сегодня говорим о том, что есть некое технологическое отставание, то его нужно преодолевать. Есть много методик такого преодоления. Мы видим, как во всем мире создаются трансграничные кластеры, как объединяются усилия в научно-технической и образовательной сферах, и, самое главное, какие рынки таргетируются. Для России, Казахстана и, в меньшей степени, для Белоруссии Европейский союз является торговым партнером номер один. И конечно же, особенно в плане привлечения инвестиций и трансферта технологий, мы были бы очень признательны, если даже в это тяжелое время мы бы продолжили эту работу.

С другой стороны, мировая экономическая гравитация на сегодня смещается в сторону Азии. Мы знаем, что к 2050 году и Китай, и Индия будут в тройке крупнейших мировых экономик. Соответственно, мы тоже не можем закрывать на это глаза, и используем наши возможности сотрудничества. Россия и Казахстан являются участниками экономических интеграционных процессов в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Это еще одна из возможностей.

То есть интеграция сегодня идет на всех уровнях. Мы видим и диалог в рамках G20, и диалог в рамках БРИКС, то есть там, где даже нет географической связи. И наше стремление быть частью процессов с соблюдением лучших регулятивных практик в рамках ОЭСР — это наш системный ответ тем угрозам глобализации по потере национальной экономической идентичности, которые

имеются на сегодняшний день. Я думаю, что, объединив усилия, мы вместе сможем преодолеть их быстрее и увереннее.

В. Христенко:

Спасибо, Кайрат Нематович.

Я хочу сделать единственную поправку. В нашем зале как раз присутствует вице-премьер Кыргызстана господин Оторбаев, с кем по поручению президента был подписан меморандум, в котором упоминается целевая установка Кыргызстана на полноценное членство в Евразийском экономическом союзе. А статус наблюдателя — это целевая установка Украины.

Кайрат Нематович затронул тему Европейского союза и взаимоотношений с Европейским союзом. Сейчас я бы хотел предоставить слово господину Рау, известному международному эксперту и человеку, который очень много сделал для продвижения взаимодействия России и Европы. В свое время он специализировался на взаимоотношениях России и Германии и использовал их как локомотив продвижения идей интеграции.

Но мой вопрос не о том, как *было*, а о том, как может *быть*. Например, в свое время для России и Европейского союза был актуален проект формирования Общеввропейского экономического пространства, которое было более широким и было более либеральным режимом, чем Соглашение о зоне свободной торговли. К сожалению, в первой половине первого десятилетия 2000-х годов оно приостановилось в своем развитии. Господин Рау, не кажется ли Вам, что проект Общеввропейского экономического пространства сегодня мог бы снова стать актуальным, но как проект пространства уже Евразийского и Европейского союзов?

А. Рау:

Спасибо, Виктор. Как раз на это я и попытаюсь ответить. Но вначале я хотел бы поставить вопрос ребром: почему Европейский союз пока осторожничает в

отношении сближения с Евразийским союзом? Ответ очень прост. У нас на Западе считается, что в Евразийском союзе другие ценности. Вопрос ценностей мы пока не затрагивали, но он всегда присутствует где-то рядом. Поэтому я хотел бы тему нашей сессии сформулировать иначе: *Regional economic communities: integration to compete and (or) pathway to inclusive globalization* — и показать эту разницу.

Ведь вопрос мы можем поставить так: есть ли будущее в разных региональных интеграциях, или все-таки будущее в глобализации, которая будет стремительно унифицировать мировую экономику? В политических школах на этот счет прослеживаются две тенденции. Будет у нас многополярный мир или монополярный? Будет у нас культурно-политическая многогранность или все-таки главенство универсальных ценностей, о которых все больше и больше говорят в политике, а сейчас и в экономике? Будет ли конкуренция между региональными образованиями, разной валютой? Или все-таки мир будет стремиться к попытке создания мировых правил, мирового правительства в рамках G8 или G20, и доллар будет доминировать как главная глобальная валюта? Будет ли в нашем мире по-прежнему существовать суверенитет государственных территорий, где экономические решения будут приниматься национальными правительствами, где будет главенствовать международное право в его традиционном понимании? Или мы идем в другой мир, где будут смыты понятия роли государств, границ и верховенства высоких моральных принципов; и не только права человека, но и какие-то универсальные правила, которые мир таким образом создает, будут контролироваться в том числе в режиме международных санкций, военной интервенции, или через международные суды над теми, кто не следует этим правилам? Я думаю, это очень глубокие темы, на которые в ближайшие годы будет очень много дискуссий. Мир меняется.

Кто представляет эти разные стороны? Мне кажется, что, грубо говоря, Россия и страны БРИКС хотят действовать по традиционной схеме, а западные страны, трансатлантическое сообщество — по глобалистской схеме.

Многие задают себе вопрос, как это объединить. Мне кажется очень интересным, что если посмотреть на то, что происходит в Европе, то окажется, что ключ к решению вопроса нового мирового экономического и политического порядка пока что все равно находится здесь.

Как мне кажется (и эту тему я хотел бы поднять на нашем Форуме), есть две конкурирующие идеи, конкурирующие модели. Несколько месяцев назад американцы предложили Европейскому союзу создать свободную торговую зону ЕС—США. Об этом 15 лет шли переговоры, и европейцы достаточно прохладно на это реагировали. Сейчас — полный энтузиазм, во всяком случае в Германии и в северных странах Европейского союза. Сейчас начались переговоры, и в июле-августе этого года они войдут в решающую стадию. Это означает, что идеи, которые вынашивала Россия в отношении Европейского союза о создании свободной торгово-экономической зоны между ЕС и Россией, уходят на второй, а может быть, даже на третий план. Многие говорят, что Европейский союз не может создать обе эти зоны. Преимущество отдано западной зоне, а не восточной. Хотя при такой схеме отношений выигрывают именно Соединенные Штаты Америки, а не Европейский союз. Мне кажется, если посмотреть на экономические данные, то если бы Европейский союз создал свободную экономическую зону с Россией, в краткосрочной перспективе выиграл бы Европейский союз. Россия подходила бы для этого.

Почему европейцы не выбирают этот путь? Интересный вопрос. Я думаю, что это всё политика, но политические вопросы нужно решать совместно. И действительно, идея общей экономической зоны «Европейский союз — Евразийский союз», где тоже будут обсуждаться все эти ценности, — архиважная. Это очень важный политический проект, на котором действительно можно сконцентрироваться. Он не против первого проекта, который Европейский союз сейчас вынашивает в отношении Соединенных Штатов Америки. Выигрывают от него все, потому что в нем есть смысл — обмен технологиями на энергоресурсы на начальной стадии, а потом

углубление сотрудничества, плюс громадный рынок для европейских товаров. Я думаю, что нужно уговорить госпожу Меркель, которая приедет сюда завтра, тоже посмотреть на это более внимательно.

Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, Александр.

Может быть, короткую реплику прямо вслед сделает Петер Балаш? На три— пять минут относительно тех вопросов, которые сейчас поставил господин Рар. Тем более, что Вы участвуете в подобных панельных заседаниях не в первый раз. Что-то меняется?

П. Балаш:

Спасибо, господин председатель. Во-первых, это вопрос не только глобализации, но и регионализации. Это весьма животрепещущий вопрос и в ЕС. Совершенно очевидно, что лучшим сценарием стало бы создание условий для успешного завершения многосторонних переговоров в этом году. Однако, как мы слышали, к сожалению, этого не случится. Лучшее не должно быть врагом хорошего, поэтому сейчас мы больше работаем над региональными подходами.

Здесь упоминалось соглашение о свободной торговле с США, однако давайте сейчас сосредоточимся на Востоке, который также входит в сферу внимания ЕС. В конце концов, Россия является нашим вторым или третьим по величине торговым партнером, а для России, как и для двух других членов Таможенного союза, ЕС является торговым партнером номер один. Мы с большим интересом следим за развитием интеграции и приветствуем создание еще одного объединения на Евроазиатском континенте. Со стороны ЕС мы готовы работать в позитивном ключе и сотрудничать с этим новым объединением. Однако мы ищем определенные критерии. Один из критериев заключается в

том, принесет ли это новое объединение либерализацию условий для бизнеса и торговли по сравнению с ранее существовавшими.

Здесь мы видим смешанную картину. Вступление России в ВТО означает, что общие тарифы значительно снижены, но за счет того, что тарифы Казахстана серьезно повысились. Это вопрос, с которым будет необходимо разобраться при грядущем вступлении Казахстана в ВТО, которое мы со стороны ЕС всячески поддерживаем. Мы также смотрим на торговые меры и практику этого нового объединения. Они представляются преимущественно позитивными. Во многих областях произошли крупные улучшения, однако в ряде сфер и организаций, за которые отвечает Таможенный союз, были сделаны и шаги назад. Открытие тарифов не было реализовано полностью. Возникали проблемы в области техники и здравоохранения. Это те вопросы, над которыми мы работаем с нашими партнерами. Кто может быть нашим партнером? На данном этапе это может быть только Россия, член ВТО, которая представляет Таможенный союз во Всемирной торговой организации. Мы пытаемся работать позитивным образом, чтобы найти решения, пока все три члена Таможенного союза не смогут вступить во Всемирную торговую организацию. Это будет основой для разговора об отношениях между ЕС и Таможенным союзом, однако пока это остается отдаленной перспективой. Тем не менее, пока этого не произойдет, мы не хотели бы останавливать региональное сотрудничество.

Мы хотим предложить определенные мосты для создания тесных отношений интеграции с некоторыми бывшими советскими республиками, такими как Украина и Молдова, через подписание всеобъемлющих письменных соглашений с этими странами. Это оставит открытой возможность поддержания и даже развития отношений с Таможенным союзом и членами Таможенного союза. Мы поддерживаем открытое, многогранное региональное сотрудничество как вклад в глобальную либерализацию. Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, господин Балаш. Единственное, я хотел бы подчеркнуть, что созданный и функционирующий Таможенный союз всю свою практику и все свое законодательство, особенно в торговой области, строит на базе норм и правил ВТО. И это является единой нормой для всех трех стран, входящих в Таможенный союз. И в этом смысле де-факто и Казахстан, и Белоруссия не только в тарифной части, но и в части всех процедур, правил и так далее следуют нормам ВТО. По сути, это такое опережающее присоединение ко всем правилам, что, конечно, облегчает не только диалог, но и понимание для инвесторов. Надеюсь, что и для властей наших ключевых партнеров этот факт тоже не останется без внимания, тем более, что принятие решений в этих сферах является на сегодняшний день наднациональной компетенцией, и с этим придется считаться.

Сейчас я хотел бы передать слово Игорю Ивановичу Шувалову, представляющему Российскую Федерацию, с одним важным вопросом. Россия представлена практически во всех форматах, которые существуют. Это и G8, это и G20, это и различные объединения Тихоокеанского направления. Россия выстраивает долгосрочный диалог с Европейским союзом, и так далее, и так далее. И вот во всем этом есть еще Евразийский проект. Наверное, непросто все это совмещать, но, с другой стороны, делать это приходится.

Игорь Иванович, как, по-Вашему, сегодня нужно использовать, с одной стороны, глобальное позиционирование России, а с другой — этот проект, для того чтобы двигать всё это вместе?

И. Шувалов:

Виктор Борисович, я отвечу на Ваш вопрос. Но я бы все-таки отреагировал на то, что сказали Александр Рар и Петер Балаш. Был затронут вопрос ценностей, политического отношения к возможным интеграционным процессам внутри Евразийского союза, подключения к этому процессу других игроков. Мы наблюдаем некоторое охлаждение со стороны Европейского союза — на деле, а не на словах — к построению общего экономического

пространства с Россией. И мы, конечно же, должны признать, что во всех этих процессах больше политики, чем экономики.

Первое, о чем мне бы хотелось сказать — это то, что мы, работая в формате Беларусь — Казахстан — Россия, не строим никакой политической интеграции. К объединению, которое сейчас является Таможенным союзом, Единым экономическим пространством, а затем, как мы все надеемся, станет Евразийским экономическим союзом, все относятся как к возрастающей экономической мощи, которая, возможно, приведет к определенным новым политическим институтам. Но на уровне лидеров, когда встречаются президенты, и на нашем уровне, когда мы работаем в правительствах, и на уровне экспертов к вопросам политической интеграции вообще никто не притрагивается. Я хочу, чтобы вы об этом знали, и могу вам откровенно сказать, что это некоторое табу. Никто не хочет посылать сигналы о том, что мы — пока в рамках «тройки», а затем и с новыми членами Евразийского союза — готовы образовывать какие-то политические надгосударственные институты. Сегодня это совсем не является приоритетом, это даже не является вопросом второго порядка нашей повестки. Эти вопросы в нашей повестке просто отсутствуют.

В каждой стране — и в Белоруссии, и в Казахстане, и в России — есть люди, которые бы очень хотели, чтобы эти институты возникали, чтобы появилась эта политическая надстройка. Потому что они помнят, что была такая страна Советский Союз. Но сегодня этого нет ни в повестке рабочих органов, ни в повестке нашего высшего органа. И могу вам сказать, что даже просто в рамках двусторонних встреч этот вопрос обсуждается таким образом, что мы строим и концентрируем свое внимание исключительно на вопросах экономического порядка и на вопросах создания институтов, которые будут способствовать экономическому росту.

А боятся этого Евразийского экономического союза, потому что он будет очень мощным *экономическим* игроком. Сейчас потенциал России, Казахстана и Белоруссии еще не раскрыт. Но это будет поистине единый рынок, единый в

области зерновой политики, полезных ископаемых и много чего еще. Здесь будет не так, как, например, в Европейском союзе, новые члены которого чувствуют себя достаточно незащищенными. Нам бы, конечно, хотелось, чтобы мы, как экономическая единица, были мощным глобальным игроком: только тогда мы сможем претендовать на заслуженную роль в глобальной интеграции.

Второе, чего мы не создаем — мы не создаем никаких изолированных объединений. Я хочу, чтобы на эту тему тоже перестали рассуждать. Мы не создаем ничего такого нового, чего сейчас не существует, а мы возьмем и создадим и внутри этого образования будем творить, что хотим, базируясь на каких-то немислимых правилах, которые сами для себя придумаем; будем изолировать свои экономики от внешнего мира. Это глупость полная.

Вы должны знать (Виктор Борисович об этом сказал, и это правда), что мы строим Евразийский экономический союз на принципах Всемирной торговой организации. Больше того, даже в рабочем порядке, в рамках Евразийской экономической комиссии, когда мы собираемся на заседания Совета, Кайрат Нематович, наш белорусский коллега Сергей Николаевич Румас и я, мы имеем в виду уже российскую повестку вступления в ОЭСР. И договор, который мы сейчас будем готовить, и уже готовим, должен включать в себя не только принципы поведения Всемирной торговой организации, но и лучшие законодательные практики и принципы поведения ОЭСР.

Это очень сложная задача, и Россия здесь тоже впереди. Мы эту повестку отработываем. Это объединение, которое должно создать определенную экономическую мощь, открытое для интеграции в других форматах. И конечно же, оно не пытается создать какие-то нецивилизованные формы поведения, а наоборот, использует только лучшие практики ОЭСР и Всемирной торговой организации. И, может быть, оно уже на этом этапе предлагает что-то новое в качестве новых цивилизованных принципов, которые мы готовы обсуждать как в области мировой торговли, так и в области инвестиционной политики с нашими партнерами из Европейского союза, АТЭС и так далее.

Поэтому первое, о чем я хотел сказать: мы ничего такого, чего боятся другие наши партнеры, не создаем и не будем создавать. Во всяком случае, я даже внутри наших правительств такого разговора не слышал. Но есть люди, которые хотят, чтобы мы это создали. Да, вы должны знать, что в каждой из стран есть определенные группы населения, которые бы этого хотели. Это люди старшего поколения, которые выросли в Советском Союзе и у которых есть определенная память. И когда они услышали, что мы создаем Таможенный союз, это было для них особенно приятно, они подумали, что это может стать предтечей. Но тут надо никого не обманывать и понимать, что заигрывать тут никто не собирается: это исключительно экономические цели — цели нашей экономической мощи.

Теперь о том, какие ценности мы разделяем в Евразийском экономическом союзе, который строится. Конечно, если поехать в одну из стран Европейского союза и включить телевизор или почитать их местную Сеть (в принципе, это можно сделать сейчас и у нас, в России), то может возникнуть представление, что мы живем вообще где-то на Луне, и какие-то ценности, которые существуют у российского руководства, вообще чужды ценностям общемировым. Но это просто какие-то стереотипы, которые навязываются через хорошо работающие системы пропаганды. Ведь эксперты, которые хорошо разбираются в том, что происходит в России, Казахстане и Белоруссии, понимают, что в России установка как раз на абсолютно цивилизованные общие ценности. Еще когда я работал шерпой в «восьмерке», и в этом году, когда мы председательствуем в «двадцатке», мы все время подтверждаем, что при всех спорах, которые есть между нами, Россия базируется на общечеловеческих базовых принципах и ценностях. Мы проповедуем единые принципы. Просто по многим ключевым вопросам возникают *такие* сложные споры, и Россию невозможно сломать в этих спорах, так что лучше сказать, что Россия проповедует другие ценности, что неправда. Мы не проповедуем другие ценности. Просто иногда мы имеем свою точку зрения и не согласны с тем, чтобы нам навязывали ту, с которой

мы согласиться не можем — ни наше руководство, ни российский народ. Вот и всё. Поэтому не нужно здесь ничего придумывать и обвинять нас в том, чего не существует.

И еще о ценностях. Есть ценности, которые присущи всему обществу в каждой из наших трех стран — и есть ценности, которые разделяют только некоторые группы населения. Если в Европейском союзе небольшая группа населения эти ценности проповедует, они считаются уже абсолютно принятыми и их невозможно даже обсуждать с негативной точки зрения. В России действуют иначе. Большинство нашего населения (я думаю, вы понимаете, о чем я говорю) пока не готово поддержать такого рода ценности, не считает, что это ценности. И вообще, очень сомнительно, что такие ценности должны быть везде внедрены как базовые принципы существования общества. Люди придерживаются самых разных взглядов. Поэтому, если брать базовые права человека, если смотреть на то, как должна существовать и развиваться политическая система, как должны развиваться свободы отдельного человека, отдельного предпринимателя или просто гражданина, я считаю, что у нас исключительно общие ценности.

Что касается каких-то отдельных институтов или отдельных вопросов, то, наверное, у нас есть различное отношение к этим ценностям. Но мы на то и разные страны. Потому что Россия сегодня — это не то же, что Россия в 1993 году. Молодой России 20 лет. А Германия сегодня — это не то же, что Германия 30 или 50 лет назад. И невозможно рассчитывать на то, что мы перепрыгнем из одного состояния в другое. Это процесс эволюционного взаимодействия и построения интеграционных механизмов. Поэтому, чем больше Европейский союз и другие государства или объединения будут резервировать этот интеграционный трек, тем больше будет всем казаться, что у России как будто бы есть другие ценности. У нас нет никаких других ценностей.

Общие ценности и никаких политических амбиций при создании Евразийского союза. Новые члены, которые будут пытаться получить членство в

Евразийском союзе, должны будут разделять не только нормы и правила поведения, но и, конечно же, общие подходы к тому, как мы будем развиваться в будущем.

Теперь о других форматах, о которых задал вопрос Виктор Борисович. Вы знаете, мы нашли место каждому из форматов, с которыми мы работаем. У России нет такого, что мы какой-то формат развиваем в ущерб другому. Сейчас мы ведем все интеграционные треки так, что одни не наносят ущерба другим. Мы, безусловно, считаем, что самой важной единицей для того, чтобы быть равным партнером в глобальной интеграции, для нас должен быть Таможенный союз и Евразийский экономический союз. Потому что мы втроем значительно мощнее. Тогда мы будем равным и сопоставимым по мощи игроком и с Европейским союзом, и с нашими крупнейшими азиатскими соседями. Поэтому это не одно в ущерб другому. Просто для того, чтобы интегрироваться в общее экономическое пространство с ЕС и построить серьезные экономические отношения с Китаем и другими государствами, которые входят в АТЭС, нам самим нужно быть достаточно мощными и цивилизованными. Поэтому мы интегрируемся на восток, на запад, на юг, и во всем этом есть своя логика и четкий план работы. Мы заявили, что нам нужно идти на восток, не потому, что хотим сворачивать торговые и инвестиционные отношения с ЕС. Мы хотим развивать торговлю с Европейским союзом. Но для того чтобы российская экономика и экономика всех стран Евразийского союза была более сбалансированной, нам надо, чтобы объемы внешней торговли со странами АТР были, как минимум, в два раза больше, чем сейчас. Но это не значит, что мы хотим меньше торговать, например, с Европейским союзом. Больше! Но просто для того, чтобы расти на 5% в год и больше, нам нужны совершенно другие темпы роста нашего экспорта.

В целом, здесь нет ущерба какому-либо формату. Но ядро этой интеграции все равно от Таможенного союза к Евразийскому союзу. И уже образовав такое мощное объединение, нам будет нужно идти к общему экономическому пространству с Европейским союзом. Это наш ближайший сосед, и, конечно,

те прохладные отношения, которые образовались за последние годы, хорошо бы сменить совершенно другими настроениями и другим отношением. Россия заслуживает того, чтобы нас рассматривали в качестве ключевого игрока.

В. Христенко:

Спасибо, Игорь Иванович.

У нас на панели присутствует, с моей точки зрения, уникальный человек, который имеет просто выдающийся опыт: этот опыт был связан с самым горячим и самым важным периодом в жизни Европейского союза.

В свое время Паскаль Лами работал в команде Жака Делора, когда тот был комиссаром Европейского союза. В значительной степени ключевые базовые элементы, которые сегодня функционируют, были созданы тогда. Кстати, это был медовый период для взаимоотношений Европейского союза с Российской Федерацией. Тогда не просто обсуждалась тема общего экономического пространства, но шло обсуждение единого энергетического пространства — не common, а single. Такой мечты, конечно, сегодня нет. Не знаю, Паскаль, по чьей вине.

С другой стороны, господин Лами возглавляет Всемирную торговую организацию — тот институт, который, наверное, в наибольшей степени отождествляется с институтами глобализации. Это огромная ежедневная работа по поддержанию правил регулирования торговли.

Надо сказать, что проблемы есть и там, и там. И незавершенный Дохийский раунд, и TAFTA (Transatlantic Free Trade Area), которая сегодня обсуждается — это что, попытка поверх крупнейших игроков, в обход неурегулированности некоторых вопросов создать свой вектор развития? Я думаю, что вопросов здесь гораздо больше, чем можно было бы осветить. Но мне кажется, что где-то в системе управления происходит сбой.

Паскаль, каково Ваше мнение?

П. Лами:

Позвольте мне дать откровенный ответ на основной вопрос о взаимодействии, совместимости и напряженности между региональной и глобальной интеграцией.

Я определенно считаю, что региональная интеграция является и останется основным проводником к глобализации. Основная причина заключается в сохраняющейся выгоде соседства для экономической интеграции. В прошлом выгода соседства в торговле была связана со стоимостью расстояний в торговых операциях. Эта старая причина выгоды близости сейчас исчезает, поскольку в результате развития техники стоимость расстояния значительно сокращается. Мы живем в мире, где стоимость расстояния исчезает.

Почему же близость по-прежнему важна для рыночной интеграции? Это связано с областями, относящимися к культуре. То, что Игорь только что говорил о ценностях, является основой для рыночной интеграции сегодня и завтра. Сегодня препятствиями для рыночной интеграции являются не тарифы. Это меры, не связанные с тарифами, а также регулятивные стандарты, касающиеся безопасности продуктов питания, зажигалок, игрушек. Они касаются мер предосторожности. Они касаются управления рисками. Они больше не касаются защиты производителя. Они касаются защиты потребителя. И когда вы занимаетесь оценкой мер предосторожности и управлением рисками, вы работаете, постоянно помня о шкале рисков, которая зависит от ценностей. Управление риском заключается в выборе промежутка между риском плохого и возможностью улучшения ситуации. Это связано с ценностями, а ценности проще объединить и собрать соседствующим странам, поскольку вы имеете дело с людьми, которые сходным образом воспринимают историю, иногда говорят с вами на одном языке, имеют один и тот же исторический опыт.

Это основная причина, по которой интеграция регионально близких территорий будет всегда иметь большое преимущество. Серьезный вопрос состоит в том, приведет ли этот процесс к глобальному объединению или к фрагментации, и это особенно важно сейчас, когда мы говорим о вопросах

регулирования. Движемся ли мы к глобальной системе регулирования, которая занимается такого рода профилактической системой управления рисками потребителя? Или, быть может, из-за разной степени восприятия риска, мы движемся к чему-то фрагментарному? Пока все идет хорошо.

Региональная интеграция за последние 50 с лишним лет не оказывала разрушительного воздействия на синергию глобальной интеграции. Посмотрите на процессы региональной интеграции, которые набирают скорость, например, в евразийском пространстве, на то, что происходит в Восточной Африке, или на то, что происходит в Центральной Америке, где региональная интеграция идет активно и получает политический импульс. Посмотрите на другие проявления региональной интеграции, которые, быть может, идут не столь гладко, как в случае МЕРКОСУР. Посмотрите на то, что происходит или не происходит в регионе Анд в Латинской Америке, на то, что происходит или не происходит в Западной и Центральной Африке, на то, что не происходит в регионе Персидского залива. Вне зависимости от того, являются ли они эффективными, набирают ли они скорость или нет, существует ли там энергия или нет, — в любом случае мы видим сближение. Но давайте не забывать, что в основном они были связаны с преодолением классических препятствий для торговли. Остается открытым вопрос о том, что произойдет в будущем, и здесь, как мне кажется, однозначного ответа еще нет, потому что сегодня мы видим другую форму региональной интеграции. Она по-прежнему основана на соседстве, а также на своего рода мегавиртуальных форумах. Некоторые из них, как мы видим, охватывают несколько континентов: Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое партнерство между США и ЕС, АСЕАН+6, региональный форум между Китаем, Кореей и Японией, и переговоры между ЕС и Японией. Эти крупные сделки — еще одно новое явление в региональной интеграции. Они показывают, что, прежде чем создать нечто глобальное, надо создать нечто региональное, межконтинентальное.

Впрочем, вопрос о том, сольются ли эти виртуальные соглашения в глобальный стандарт регулирования, опять же остается открытым. Если я говорю об этом в Брюсселе, то мне отвечают, что такое сближение произойдет, потому что они сделают так, чтобы оно произошло. Если я говорю об этом в Вашингтоне, то мне говорят, что такое сближение произойдет, потому что мы сделаем так, чтобы оно произошло. Когда я говорю об этом в Токио, мне говорят: «Конечно, такое сближение произойдет. Мы сделаем так, чтобы оно произошло». Вопрос о том, приведут ли все эти амбиции к сближению по тому пути, который они наметили, когда другие страны нацелены на сближение по своему пути, остается открытым.

Так что я был бы осторожным и не полагался бы только на тот факт, что пока мы наблюдаем синергию. Я не уверен, продолжится ли она в будущем. Это подводит меня к практическим рекомендациям, которые, как мне кажется, я могу дать, не подвергая риску свое институциональное положение в ВТО до полуночи 31 августа.

Первая рекомендация относится к месту России в этой игре. Если посмотреть на пять-шесть мегасоглашений, которые я только что упомянул, то они охватывают приблизительно 80% мировой экономики. За пределами этих мегасоглашений остаются Африка, Россия, Бразилия, Аргентина и Персидский залив. Мне кажется, что это вопрос, который России необходимо рассмотреть. Если предположить, что все они приведут к сближению, то единственным вариантом для вас будет присоединение к ним без долгих проволочек. Если же предположить, что они не приведут к сближению, то мы столкнемся с фрагментарной системой регулирования. В обоих случаях это создает проблему для вас. Так что, если позволите, я бы предположил, что вам нужно вступить в эту игру. Самым простым и очевидным способом сделать это, возможно, является оживление глубокой системы интеграции между ЕС и Россией. Я сомневаюсь, что такое удастся вам с США (по ряду причин), и я не уверен, что вы думаете о том, чтобы проделать это с Китаем (по ряду причин). Я думаю, что в этом заключается ваш стратегический вариант.

Моя вторая практическая рекомендация выходит за пределы того, с чем мы имеем дело на данный момент. Реальность такова, что серьезный глобальный форум для сближения стандартов отсутствует. У нас есть «Кодекс Алиментариус», свод стандартов безопасности продуктов питания, Международная организация по стандартизации, Всемирная организация здравоохранения животных и Международная конвенция по защите растений, но у нас нет ничего подобного форуму, задачей которого была бы организация, надзор и контроль над сближением этих стандартов. Многие люди подводят это под «крышу» ВТО, поскольку они не знают, чем именно занимается и чем не занимается ВТО. Но ВТО пока что не занимается секторным регулированием. Секторным глобальным регулированием занимаются другие. Возьмите, например, банковскую и страховую деятельность — здесь эти процессы уже начинаются. Существует финансовая организация, которой является Совет по финансовой стабильности в Базеле. Этим занимается не сама Всемирная торговая организация, и я не предлагаю, чтобы ВТО занималась ведением переговоров под своей крышей по вопросам регулирования безопасности продуктов питания, зажигалок, автомобильных выбросов, банковской или страховой деятельности. Я говорю о том, что существует потребность в системе, которая будет вести надзор за всеми этими процессами сближения, и это, на мой взгляд, должно быть связано с какой-то глобальной объединительной способностью, которой обладает такая организация, как ВТО.

Мы должны, на мой взгляд, найти в будущем способ, который позволит странам, в том числе, таким как Россия, если их волнует вопрос сближения и регулирования, получить достаточные гарантии того, что движение в этом направлении не нанесет вред их собственным экономическим и социальным интересам.

В. Христенко:

Спасибо, господин Лами.

Хотелось бы подчеркнуть два крайне важных момента. Во-первых, интеграция, даже региональная интеграция, не всегда совпадает с пониманием простой территориальной интеграции. Основания для интеграции, конечно, самые различные. Сегодня мир это демонстрирует. И второе, что мне кажется важным для всех нас: в сегодняшней ситуации, вступая, например, в ВТО, нужно обсуждать не столько последствия для той или иной отрасли (заводы и так далее), которые возникают в момент присоединения, сколько то, как надо вести себя в этой организации, чтобы трансформировать ее или включиться в процесс ее обновления с максимальным эффектом. Включенность в эти процессы — наверное, одна из таких важнейших задач.

Мы исчерпали свое время. Я понимаю, что мы наступили на следующую дискуссию. Поэтому я хочу задать двум панелистам по одному короткому вопросу и, если можно, получить такой же короткий ответ.

Господин Ле Уэру, Вы во Всемирном банке ведаете сектором, который связан с деятельностью либо, как говорят на пространстве СНГ, постсоветских стран, либо стран, которые входили в такое широкое представление Совета экономической взаимопомощи, такую большую советскую систему. И Вы так или иначе сопровождаете там структурные реформы. Скажите, пожалуйста: то что происходит с этими странами в рамках интеграционных процессов, способствует это структурным преобразованиям, способствует диверсификации экономик, или нет?

Ф. Ле Уэру:

Спасибо, господин председатель. Хочу поприветствовать всех собравшихся. Много уже было сказано предыдущими выступающими, так что я попытаюсь сосредоточиться на нескольких ключевых моментах.

Сначала о том, что касается принципиальных вопросов. Всемирный банк оказывает серьезную поддержку открытости торговли, потому что все последние 50 лет она была самым мощным двигателем развития и снижения бедности. Это для нас совершенно очевидно. Несколько менее очевидна

ситуация с региональной интеграцией. Мы считаем, что она может быть более или менее удачной, но все зависит от установки внешних тарифов. Именно это имел в виду Эрик, говоря о нарушении торговых связей и о создании торговых связей. То же самое относится к стандартам. Это может обернуться и позитивным, и негативным образом — все зависит от обстоятельств, и это вопрос опыта.

Я же хотел бы поговорить о диверсификации. Мы затрагиваем эти темы для того, чтобы в конечном итоге улучшить жизнь людей, их благосостояние и понизить уровень бедности. Если посмотреть на опыт СНГ с 1995 года, то можно увидеть довольно интересную картину. Во-первых, развитие СНГ пошло на спад, но в то же время произошла концентрация на экспорте природных ресурсов. Что получилось в результате? За последние 10 лет доход на душу населения в странах СНГ увеличился в шесть раз! Сто миллионов человек преодолели уровень бедности. Это простые, но в то же время весьма показательные цифры.

Первый урок заключается в том, что открытость подействовала. Относительное преимущество, то есть наличие природных ресурсов, подействовало. В странах СНГ было неплохо поставлено управление рисками, проводилась здравая макроэкономическая политика, имелся стабилизационный фонд. Поэтому большинству стран Содружества, богатых природными ресурсами, пока удавалось избежать известной «голландской болезни». Такая опасность по-прежнему существует, но пока мы видели очень хорошее управление на макроуровне, а стабилизационные фонды были правильно спланированы и реализованы. Сейчас модно говорить о «проклятии ресурсов», но мы считаем, что ничего такого не существует. Ресурсы — это благо и очень хорошее дело. Проблема в том, что с ними делать, и ответ заключается в экономической диверсификации. Многие страны включают диверсификацию в свое национальное планирование для снижения рисков. Опасность заключается в том, как именно осуществляется диверсификация. Это та область, которую мы изучаем и по которой пишем

документ вместе с Игорем, представляющим здесь Евразийский банк развития, под названием «Диверсифицированное развитие». Мы обнаружили нечто весьма интересное. Мы искали примеры разного опыта по всему миру, от Калифорнии до Австралии, Канады, Норвегии, Бразилии и множества других мест. Мы выяснили, что промышленная политика может быть палкой о двух концах. Нужно быть крайне осторожными. Вместо того, чтобы сосредотачиваться на диверсификации продуктов для экспорта или производства, лучше сосредоточиться на соотношении различных аспектов или на ваших целевых капиталах. Это требует развитой инфраструктуры. Здесь пока еще существует отставание СНГ не только от стран ОЭСР, но и от стран Центральной Европы. Сюда входит и транспорт, но в целом речь идет обо всех видах инфраструктуры. Я думаю, что странам СНГ необходимо обратить на это особое внимание: правильное и эффективное использование бюджетных средств приобретает в подобной ситуации особое значение.

Другой аспект заключается в хорошем человеческом капитале. Он не стоит на месте; он меняется. Существует огромная потребность в инвестициях в образование. В этом отношении существуют серьезные различия между странами СНГ. Мы видим, что в некоторых странах, таких как Казахстан и Азербайджан, наблюдается, например, отставание по тесту PISA (Программа по оценке образовательных достижений учащихся). Так что инвестиции в образование и здравоохранение, как нам кажется, являются приоритетным направлением для изменения динамики целевых капиталов, что в дальнейшем приведет к диверсификации продукции.

Последним, и возможно, наиболее важным направлением, являются структурные реформы и создание институтов. Мы полагаем, что физический человеческий капитал и укрепление институтов являются ключом к будущему процветанию стран СНГ и евроазиатского региона. Опять же, «институт» — широкое понятие, очень удобное тем, что означает сразу много разных вещей. Но в основе лежат удачные стратегии. Мы много говорим о развитии бизнеса, о создании нормативно-правовых систем, способствующих развитию частного

сектора, но для этого нужны не только законы и регулирование. Речь также идет о способности государственного управления разработать и реализовать удачные стратегии и о способности судов и судебной системы поддерживать их и помогать их внедрять.

Говорить на эту тему можно долго, но я хочу просто подвести итог, сказав, что мы действительно верим в важность возвращения к основам и полагаем, что многое уже было сделано. Именно поэтому я назвал в начале эти впечатляющие цифры. Однако мы считаем, что еще многое предстоит сделать по трем элементам целевого капитала: физический капитал, человеческий капитал и институциональный капитал. Мы считаем, что это является лучшей промышленной политикой из всех возможных, потому что второй производной от них действительно будет диверсификация продуктов и услуг для производства и экспорта.

Спасибо, господин председатель.

В. Христенко:

Спасибо, господин Ле Уэру.

Теперь у нас завершающий панелист. Наверное, к господину Мунтияну в конце дискуссии стоит обратиться только с одним вопросом. Украина — вы как уполномоченный Украины по делам СНГ — недавно заявила устами своего президента о стремлении стать наблюдателем в создающемся Евразийском экономическом союзе. Это уже вызвало, как и любое действие в этом направлении, бурную полемику. Вот вы сейчас присутствовали, поучаствовали, послушали панель относительно глобальных и региональных проблем. И что?

В. Мунтиян:

Благодарю.

Уважаемый Виктор Борисович, времени мало, но я хочу сказать очень много, но емко. Проблематика, которую мы сегодня рассматриваем — это не просто

актуально, а жизненно важно. Мир сегодня вступил в конфликт — не только человечество само с собой, а в целом с биосферой — и стоит на пороге хаоса. А для того чтобы не допустить броуновского движения, три главы государств сделали очень правильный выбор: они показали главный вектор. И за Евразийским экономическим союзом будущее.

Украина видит себя в этом Евразийском экономическом союзе. Почему? Потому что, во-первых, по всем научным расчетам, математическому и экономическому моделированию, экспертным оценкам, да даже по формуле «золотого сечения», если взять материк Евразия (это 53,8 миллионов квадратных километров) и добавить территорию Украины — получаем «золотое сечение». По всем критериям Украина — это тот минимум по масштабу и по глубине, который должен быть с Евразийским экономическим союзом. Это первое.

Во-вторых, мы должны смотреть на эту проблему намного глубже. Я послушал господина Рара. Он рассказывает о европейцах, дай Бог им здоровья, что у них всё хорошо. Европейский союз семь лет в рецессии вместо двух кварталов. По темпам развития на 191-м месте. Они делают зону свободной торговли с американцами. Это их национальное право, пусть делают. Но я хочу предупредить, что даже расчеты показывают, что они выиграют всего 400 тысяч рабочих мест. Это в Европейском союзе, в котором 287 миллионов работающих и 500-миллионное население. Идеальным эффектом будет рост на 0,25%.

Так вот, о чем я хочу сказать. Евразийский экономический союз выстроен исходя из всех потенциалов, потому что сегодня жизненно важного пространства, которое есть в странах Таможенного союза, в мире уже нет. Духовный капитал исчерпан — у нас он остался. И для меня построение Евразийского экономического союза — это «построение Ноева ковчега». На нас смотрит весь мир. А приглашение Украины в зону свободной торговли, в Европейский союз на таких условиях, без участия в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, — это, по моему мнению, «приглашение

на Титаник». Поэтому, пока есть время, я вас всех приглашаю участвовать в «построении Ноева ковчега».

Благодарю за внимание.

В. Христенко:

Спасибо, господин Мунтиян.

У Александра даже упала табличка после этих слов о приглашении на Титаник.

Уважаемые коллеги, я выражаю огромную благодарность всем участникам дискуссии, которые приняли участие в сегодняшних выступлениях, и вынужден извиниться перед теми, кто не смог выступить в силу нехватки времени, и теми, кто нас ждет.

Наверное, я не буду подводить никаких итогов этой дискуссии, поскольку эта дискуссия не закрыта — она стартовала и должна продолжаться. Именно должна — не может, а обязана продолжаться. Поскольку в этом диалоге и должен находиться ответ на те вызовы, которые стоят сегодня перед всеми нами.